
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Е.В. Золотарева

Управление по науке и инновациям РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

В статье рассматриваются теоретические основания делиберативной модели демократии, формирующейся на основе синтеза традиционно соперничающих подходов к исследованию демократии — либеральной политической философии (Дж. Ролз) и критической социальной теории (Ю. Хабермас), освещаются проблемы, связанные с тестированием нормативных требований, предъявляемых к публичному дискурсу как основе делиберативного процесса, возникшие в ходе эмпирических исследований.

Ключевые слова: агонистический плюрализм, базисная справедливость, делиберативная демократия, коммуникативная рациональность, нормативный порядок, публичный дискурс.

К концу XX в. термин «делиберативная демократия» получил широкое распространение в современном обществознании — философии, политической науке и социологии — при рассмотрении форм и методов совершенствования либеральной модели демократии либо при проектировании альтернативной (не обязательно революционной) демократической модели в условиях нарастания нестабильности, угроз и рисков эпохи постбиполярного турбулентного мира.

По мнению исследователей, на разработку концептуальных основ делиберативной демократии особо значимое влияние оказали работы Дж. Ролза и Ю. Хабермаса. Под их влиянием сложился нормативный идеал делиберативной демократии как формы правления, при которой формулирование политической повестки дня, рассмотрение спорных вопросов и принятие наиболее значимых политических решений в правовом государстве осуществляется с учетом предпочтений, выраженных делиберативным общественным мнением. Т.е. мнением общественности, сформированным в соответствии с процедурой рационально аргументированного публичного дискурса, ориентированного на достижение консенсуса.

Джон Ролз рассматривает вопросы делиберативной политики и делиберативной демократии в связи с исследованием условий поддержания нормативного порядка, основанного на либеральных ценностях. Поиск оснований справедливого общества и постановка проблемы обоснования морали, исходя из понятия рациональности, стали главной темой его наиболее известных работ, таких как «Теория справедливости» и «Политический либерализм» (См.: [2; 14]).

Преимущество либеральной формы правления, в сравнении с другими политическими режимами, он видит в возможности создания на базе либеральных ценностей «хорошо управляемого общества», позволяющего сохранить стабильность в период системных возмущений и кризисов.

По его мнению, в основании подобных обществ должен лежать «принцип базисной справедливости», согласующийся и с моральным поведением граждан, и с практикой функционирования публичных институтов.

В «Теории справедливости» Ролз обращает внимание на существование непосредственной связи между стабильностью общества и стабильностью представлений о социальной справедливости: «Стабильность концепции справедливости не предполагает, что институты и практики вполне упорядоченного общества не изменяются... В данном контексте стабильность означает, что как бы ни изменялись институты, они все равно останутся справедливыми или приблизительно таковыми по ходу приспособления к новым обстоятельствам. Неизбежные отклонения от справедливости эффективно корректируются или сдерживаются в рамках допустимых границ внутренними силами системы. Я предполагаю, что среди этих сил чувство справедливости, общее для всех членов общества, играет фундаментальную роль. До некоторой степени, значит, нравственные чувства необходимы для гарантии стабильности базисной структуры по отношению к справедливости» [2. С. 400].

Для того, чтобы сформулировать принцип справедливости, соответствующий названным требованиям, Ролз конструирует идеализированную модель ситуации общественного договора как фундаментального соглашения индивидов об общих принципах их совместной жизни, которое могло бы быть заключено ими в «исходном состоянии», если бы они следовали процедуре рационального калькулирования выгод и издержек социальной кооперации, придерживаясь различных и даже противоположных ценностных ориентаций.

Чтобы избежать конфликта, связанного с различными представлениями о благой жизни и с распределением выгод, получаемых от взаимного сотрудничества, индивидам следовало бы ориентироваться на абсолютное равенство и автономию. Принципы справедливости должны были бы формулироваться как бы за «завесой неведения» и соответствовать требованию «честности». Индивиды, вырабатывающие соглашение о нормах справедливости, должны были бы действовать таким образом, как если бы они, формулировали эти принципы обладая только общим знанием об обществе, к которому принадлежат, не располагая информацией ни о статусном и материальном положении друг друга, ни об интеллектуальных и моральных качествах и жизненных планах других участников. Неведение сильных и слабых сторон оппонентов заставило бы участников соглашения выбрать предельно абстрактную формулировку правил справедливости, которые соответствовали бы общим интересам и исключали бы возможность доминирования индивидов и групп, находящихся в привилегированном положении.

В подобной гипотетической ситуации этим требованиям могло бы соответствовать представление о справедливости, основанное на двух принципах — принципе равенства и принципе различия. Первый принцип предполагает, что каждый индивид, принимающий участие в общественной деятельности, должен иметь равное право на наиболее обширную свободу, совместимую с аналогичной свободой для всех. Второй принцип допускает неравенство между индивидами только при условии, что оно является выгодным всем, а также что все должности и общественные положения, с которыми оно связано, является общедоступным. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет в результате действия случайных естественных или социальных обстоятельств, т.е. представляет собой наиболее пол-

ное воплощение требований беспристрастности и честности, так как позволяет учесть интересы даже конфликтующих сторон.

Фундаментальный принцип справедливости определяет содержание конституционного фрейма, принимаемого конституционным собранием и очерчивающего полномочия правительства и систему гражданских прав, и накладывает ограничения на деятельность институтов публичной власти, но не может ограничивать свободу и автономию индивидов. Легитимность фундаментальных принципов справедливости должна подтверждаться постоянно возобновляемым консенсусом мнений и служить основой для вынесения решения о справедливой форме правления.

В ходе демократического политического процесса, который Ролз характеризует как «процесс несовершенной процедурной справедливости», индивиду как гражданину необходимо самому решать, когда следует соглашаться со случаями применения правил, принятых большинством, а когда от них следует отказаться. Полная концепция справедливости позволяет не только оценивать законы и политику, но и ранжировать процедуры для выбора именно такого политического мнения, которое должно быть превращено в закон. Гражданин должен быть в состоянии определять основания и границы политических обязанностей и обязательств, высказывать суждения о степени свободы законодательства и политики, проводимой в обществе. Он должен решать, какая конституционная организация общества будет справедливой для примирения конфликтных мнений по поводу справедливости.

Подобная трактовка базисной справедливости согласуется с различными, в том числе и конфликтными, концепциями блага и закладывает основы делиберативной политики как политики дискуссии и обсуждения, направленной на выработку общего соглашения о совместных принципах деятельности нейтральных к различию мировоззренческих установок, которыми могут руководствоваться индивиды в повседневной жизни.

Публичный разум, воплощенный в конституционном законодательстве, и институты конституционной демократии наряду с гражданской мобилизованностью Ролз относит к трем базовым элементам делиберативной демократии [15. С. 772].

Однако следует отметить, что применительно к политическому процессу процедура делиберации не предполагает прямого или непосредственного воплощения в реальном политическом действии вне парламентской или судебной системы. Делиберативная процедура как проявление активности публичного разума заключается, по мнению Ролза, в *мыслительном взвешивании аргументов* с точки зрения ожидаемого результата, без тестирования их в практическом взаимодействии.

Ролз рассматривает делиберацию как разновидность индивидуальной рефлексии, ведущую к формулированию собственных рационально обоснованных представлений о ценностях и предпочтениях с учетом их согласованности с такими же рационально обоснованными предпочтениями окружающих.

Принимая во внимание универсальность логики публичного разума при сингулярности ее конкретных форм, отпадает необходимость в интерактивном процессе коммуникации для достижения консенсуса по спорным нормативным про-

блемам. Общность политического пространства, регулируемого правовыми нормами базисной справедливости, создаст необходимые условия для совпадения мнений здравомыслящих людей.

По замечанию Ролза, сам он не принадлежит к активным сторонникам делиберативной демократии, поскольку либеральная политика включает в себя процедуру делиберации в качестве неотъемлемой характеристики и, следовательно, либеральная демократия имплицитно является делиберативной.

Важную роль в разработке концептуальных основ делиберативной демократии сыграли работы Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы», «Теория коммуникативного действия», «Фактичность и значимость», посвященные исследованию демократического проекта в эпоху незавершенного модерна (См.: [8—10]).

По мнению Ю. Хабермаса, специфика современного общества как общества комплексного заключается в том, что существенным образом меняются требования, предъявляемые к демократии. Теперь она может состоять в установлении нового «разделения полномочий» — не только между государственными властями, но и между различными источниками интеграции общества: системной, основанной на инструментальной рациональности, и социальной, базирующейся на коммуникативной рациональности.

Коммуникативная рациональность регулирует отношения людей в жизненном мире и реализуется в форме смысловых суждений о нормах морали, права. Коммуникативная власть как воплощение коммуникативной рациональности возникает в процессе социального общения и легального формирования общей воли мобилизованной общественностью и выражается лингвистически в форме речевой коммуникации, основанной на принципах рациональной аргументации, «открытости», свободы и равенства.

Делиберативная демократия, базирующаяся на принципах коммуникативной рациональности, не разрушает институциональных основ правового государства и демократической плюралистической системы, основывающихся на инструментальной рациональности, но трансформирует их черты, позволяя избежать издержек и угроз, связанных с доминированием институтов административной власти как формы объединенной деперсонифицированной власти бюрократии, воплощенной в государстве и осуществляемой непосредственно. Несмотря на значимость и действенность в поддержании порядка, этот вид власти отличается ригидностью, он не способен создавать новые формы жизни, а тем более не способен эмансипировать людей. Поэтому административная власть нуждается в сдерживании, надзоре и контроле со стороны институтов жизненного мира.

Поэтому Хабермас рассматривает делиберативную демократию не как конкретизацию теории общественного договора и не как новый этап ее развития, а как конструктивную альтернативу. «...Дискурсивная или делиберативная модель — пишет он в работе «Фактичность и значимость» — замещает контрактную модель: правовое сообщество конституирует себя не посредством социального контракта, а на основе дискурсивно достигнутых соглашений» [10. С. 449].

Совершенствование нормативного регулирования рассматривается Хабермасом в качестве одного из важнейших условий социальной стабильности и поддержания отношений солидарности. Он в не меньшей степени, чем Ролз, обеспокоен рациональным качеством политического законодательства и соответствием его содержания общественным представлениям о справедливости. Но Хабермас полагает, в отличие от Ролза, что в основе делиберативной процедуры должна лежать не индивидуальная рефлексия морального сознания по поводу норм, регулирующих социальные отношения, а публичный диалог или дискурс, протекающий в режиме реального исторического времени в культурно-символическом пространстве публичной сферы, обеспечивающей формирование общественного мнения по принципиальным вопросам, в том числе и относящихся к конституционному устройству.

В отличие от коммуникативного действия, в дискурсе проблематизируются и артикулируются нормы, установки и идеалы, которыми руководствуются участники коммуникации в повседневном общении. После критического рассмотрения вопросов, по которым существуют различные, как правило, противоположные мнения, вырабатывается общеприемлемое консенсусное решение в форме общей рационально обоснованной точки зрения. Критерии, позволяющие отличить процедуру дискурса от риторики или от манипулирования мнением общественности со стороны политической элиты и экспертов, воплощаются в принципах «идеальной речевой ситуации», основанной на дискурсивной этике.

Идеальную речевую ситуацию Хабермас определяет как ситуацию диалога, свободного от внешних ограничений и искажающих влияний, в равной степени открытого для всех заинтересованных лиц. Предполагается, что все участники обладают схожими возможностями для того, чтобы поставить под сомнение или высказать собственное суждение и внести предложение по политическим вопросам, имеющим к ним непосредственное отношение. Все участники диалога обладают знаниями смыслового контекста и лингвистическими навыками, позволяющими им не только осознанно формулировать свои намерения и предпочтения, но и понимать субъективные намерения друг друга в ходе обмена высказываниями и при обсуждении различных точек зрения стремиться к признанию той, которая обладает наилучшей аргументацией. Рационально аргументированная критика позволяет участникам дискурса осуществить сознательную коррекцию норм и ценностей с целью приведения институтов в соответствие с изменяющимися требованиями эпохи.

Более широкое обсуждение вопросов, в котором участвуют не только политики, но и общественность, ориентирует участников на достижение консенсуса в публичном дискурсе. «Рациональный консенсус» достигается только в реальном практическом обсуждении при участии и сотрудничестве всех, кого потенциально затрагивает обсуждаемая норма. Реальный диалог предполагает возобновляемый ролевой обмен между «говорящими» и «слушающими» для всех его участников и, следовательно, создает возможность для подлинной универсализации взглядов, не исключаяющей мнения ни одной из заинтересованных сторон.

Публичная сфера является тем символическим пространством, на котором разворачивается процесс обсуждения общественностью высших ценностей, которыми следует руководствоваться в политическом поведении или дискурсе. Ю. Хабермас определяет публичную сферу как «интерсубъективно разделяемое пространство речевой ситуации», которое раскрывается в совместном речевом акте участников межличностных отношений с момента вхождения ими в отношения диалога и принятия на себя иллюкутивных обязательств. Она рассматривается как совокупность социальных институтов, которые позволяют проводить открытые рациональные дебаты между гражданами, чтобы сформировать общественное мнение.

Публичная сфера не только обозначает и идентифицирует проблемы, но и влиятельно тематизирует их, оснащая возможными политическими решениями, и драматизирует их таким образом, что они могут быть рассматриваемы и обсуждаемы парламентом и без помех реализованы правительством (См.: [9]). «Через гражданское общество в публичной сфере артикулируются дефициты, испытываемые в жизненном мире различными социальными группами, а соответствующее общественное мнение, в свою очередь, определяет установки потенциальных избирателей, которые пользуются конкуренцией между партиями и могут угрожать правительству лишением легитимации» [3. С. 134].

С исследованием Ю. Хабермаса коммуникативного действия, публичного дискурса и делиберативной демократии связывают реформистский поворот критической теории от негативной диалектики социологии Франкфуртской школы, основанной на отрицании ценностей и институтов либерального общества как «ложной тотальности», препятствующей утверждению эмансипаторско-гуманистического идеала, к признанию важности нормативного регулирования и необходимости сохранения основополагающих политических структур Западного общества (правового государства, демократического представительства, конституционализма, гражданского общества) в период глобальных трансформаций.

Работы Ролза и Хабермаса заложили нормативную теоретическую основу исследований делиберативной демократии как процедурного воплощения рационального дискурса, основанного на коммуникативном действии, которая получила дальнейшее развитие в конце прошлого века — начале нынешнего в работах Ш. Бенхабиб, Дж. Коэна, Э.О. Райта, А. Гутман, Дж. Драйзека, К. Оффе, Д. Томпсона и др. (См.: [5—7; 13]), направленных на исследование делиберации с точки зрения дальнейшего развития институтов демократии. Параллельно развивались эмпирические исследования делиберативного процесса, а также исследование делиберативных практик в отдельных институтах и сферах политической жизни — теории международных переговоров, конфликтном менеджменте, национальных законодательных собраниях, гражданских форумах и социальных движениях.

При исследовании публичного дискурса как разновидности публичной рефлексии, институционализированного в процедурах формирования общественного мнения, объективирующих и трансформирующих общественные предпочтения по дискутируемым проблемам, возникла необходимость в операционализации и квантификации процессов делиберации для установления соответствия наблюда-

емых процессов сформулированным нормативным требованиям [16. Р. 21—48]. В соответствии с Индексом качества дискурса — Discourse Quality Index (DQI) — отличить публичный дискурс от других форм политической коммуникации можно по следующим параметрам:

- уровню участия;
- формам участия в дискурсе (ограничиваются ли участники лишь выдвижением требований или аргументировано обосновывают свою позицию и насколько серьезно это обоснование);
- по установкам участников дискурса (настроены ли они на выработку общей позиции или стремятся к утверждению собственного превосходства над оппонентом, прибегая к технологиям манипулирования);
- по содержанию выдвигаемых требований (ориентированы ли требования на реализацию принципов общего блага или на принципы согласования групповых интересов);
- по степени взаимного уважения между группами, принимающими участие в дискурсе (от взаимного признания равенства до нейтрального или дискриминирующего отношения);
- по степени внимания к требованиям, выдвигаемым группами, находящимися в конфликтных отношениях друг с другом (от признания значимости до нейтрального отношения или игнорирования);
- по степени готовности к рассмотрению выдвигаемых контраргументов (настаивают ли участники на утверждении собственной позиции, сформулированной в выдвинутом требовании, или проявляют готовность рассмотреть альтернативные или промежуточные предложения).

В ходе практического использования данного индекса авторами отмечались как позитивные стороны, так и трудность операционализации таких понятий, как «уважение к оппоненту» или «установления соответствия выдвигаемых требований требованию «рациональности».

Ряд критически настроенных авторов выражали сомнение в применимости сформулированных принципов «идеального дискурса» и делиберативной модели демократии к реалиям политического мира. Например, в исследованиях многосторонних переговоров отмечается «ослабление формальных характеристик коммуникативного действия». В процессе публичной коммуникации роль рациональной аргументации и доказательных аргументов зачастую определяется контекстуальными факторами — массовыми настроениями и ситуацией, поэтому убедительность приведенных аргументов определяется не их рациональной обоснованностью, а убеждениями и установками акторов.

Из числа работ, подвергших сомнению аутентичность нормативных характеристик делиберации, особое место занимает теория агонистической демократии бельгийского профессора Ш. Муфф, предложенная в качестве критической альтернативы. Главный тезис, который Муфф выдвигает в статье «Делиберативная демократия или агонистический плюрализм?», заключается в том, что демократическая теория, если хочет избежать искажения природы политических институтов

и практик или отождествления политического действия с моральным, должна признать неискоренимость антагонизма и невозможность достижения всеохватывающего рационального консенсуса в политической коммуникации [12. Р. 13].

Черты реального политического дискурса, по мнению Муффа, далеки от нормативно-идеального прообраза хотя бы уже потому, что отдельные индивиды, участвующие в политическом дискурсе, выражают не собственное индивидуальное мнение, а мнение социальных групп или общностей, коллективная идентичность которых сформирована разными, зачастую конфликтными, дискурсивными формациями. Как носители коллективной идентичности участники политического дискурса не свободны и не равны. Плюрализм акторов, действующих в политическом пространстве, с необходимостью предполагает установление не только тождеств, но и различий, в политике различие Своих и Чужих представлено в предельно экзистенциальном выражении как различие Своих и Врагов, а следовательно, предполагает наряду с установлением правил включения в общность устанавливать и правила исключения, т.е. предполагает конструирование границ коллективной идентичности, провоцируя у «исключенных» желание оспорить и изменить предлагаемые правила.

Поэтому в отличие от гипотетической «идеальной речевой ситуации» живой политический дискурс отличается эмоциональной насыщенностью и с необходимостью отягчен полемическими чертами, эмоционально-риторическими приемами (ирония, селективный парафраз, пародия) и трудно поддается требованию следовать рациональной объективности, беспристрастности, игнорированию статусных и ролевых дифференциаций.

Социальный антагонизм, возникающий при столкновении различных идентичностей, взаимоисключающих друг друга, разрешается только посредством интервенции гегемонии, которую Муфф определяет как артикуляцию, воссоздающую ясность с помощью силы. Слабость рационалистических теорий делиберальной демократии она видит в игнорировании природы политического как с точки зрения нормативного конструирования политического пространства, так и с точки зрения поведенческих стратегий участников политической коммуникации.

Модель предлагаемой Муффа агонистической демократии ориентирована на приспособление институтов плюралистической демократии к выработке новой политики идентичности, потребность в которой возникла с завершением эпохи холодной войны под влиянием усилившейся борьбы множества националистических, этнических, религиозных, культурных, гендерных и постматериалистических движений.

Учитывая, что установление коллективной идентичности народа в условиях либеральной модели предполагает разнообразие идентификаций и их постоянные пересмотр и переопределение, Муфф предлагает создать условия, которые могли бы трансформировать антагонизм в агонизм посредством институционализации конфликтных дискурсов, ориентированных на сохранение разногласий и на замещение дискурсивной ориентации с консенсуса на диссенсус (См.: [1]).

Конфликт интерпретаций, выраженный в форме дебатов, должен, по ее мнению, стать нормой для демократического общества, стремящегося избежать лобо-

вого столкновения противоборствующих сил. Для создания демократических форм идентификации, которые будут способствовать мобилизации страстей на демократические проекты, политический диссенсус предполагает ориентацию на сохранение разногласий и на право выражения особой точки зрения.

Сочетание демократии с множеством конфликтных коллективных идентификаций может быть достигнуто через обновление способов политической категоризации посредством замещения категории Враг категорией Противник или, по словам Муффа, посредством «конструирования» врагов как противников.

Враг — это не частный противник (*privater Gegner*), а борющаяся за свое существование общность людей, которой противостоит другая такая же общность. Противник рассматривается как легитимный враг, т.е. тот с кем у нас сохраняются общая приверженность этико-политическим принципам либеральной демократии: свободе и равенству, но с кем сохраняется расхождение в отношении применения этих принципов, и это расхождение может быть разрешено посредством делиберации и рациональной дискуссии [12. Р. 15—16].

Модель агонистического плюрализма Муффа основана на критике рационалистического подхода, доминирующего в политической теории, которому она противопоставляет подход, учитывающий иррациональные аспекты социального и политического поведения.

Ряд авторов, принадлежащих к так называемому «второму поколению» исследователей делиберативной демократии, — Дж. Мансбридж, Райс, Стайнер, А. Фан, А. Янг, — занимающиеся разработкой проблем делиберативной демократии и публичного дискурса, включают в нормативную модель делиберативной демократии отдельные черты модели агонистического плюрализма, полагая, что коммуникативный процесс содержит в себе и черты рациональной аргументации и нарратива (См.: [11]).

Высказывается предложение аналитически выделить в процессе делиберации несколько последовательных стадий.

На начальных стадиях возможно включение в делиберативный процесс альтернативных форм коммуникации и соперничества дискурсов, при сохранении некоторой демаркации допустимых границ речевых актов, связанных с обсуждением целей или предпосылок достижения соглашения. Возможна также несогласованность между рациональной аргументацией и установками акторов наряду с ослаблением нормативных характеристик публичного дискурса. На стадиях зрелости коммуникация по своему содержанию приближается к классической характеристике делиберативного процесса, включающего в себя признаки, ранее перечисленные в Индексе качества дискурса, а также рациональную аргументацию и систематическое взвешивание контраргументов и предложений, с учетом связи частных перспектив с общим интересом (См.: [4]).

По другой версии эмпирически наблюдаемый процесс коммуникации в целом можно было бы назвать действительно делиберативным только тогда, когда присутствует «совещательный дрейф», т.е. когда по крайней мере на одном из последовательно сменяемых этапов выполняется первый идеальный тип стандартов об-

суждения, включающий аргументированную рациональность, рефлексивность и искренность.

«Чистые» случаи делиберации, как они представлены классической моделью делиберативного процесса, созданной на основе исследований Ролза и Хабермаса, редко встречаются в эмпирической реальности непосредственно, а являются скорее его структурообразующей основой.

Одновременно следует учитывать, что ни теория делиберации или делиберативной демократии, ни методы эмпирического анализа процедуры делиберации в настоящее время не могут рассматриваться как окончательно сформировавшиеся. Все более широкое распространение делиберативных практик и институтов на разные уровни и сферы общественной жизни (от локального до глобального) в сочетании с нарастающим многообразием подходов и методов исследования нуждаются в создании более унифицированных аналитических фреймов, позволяющих идентифицировать механизмы, которые обеспечивают развитие делиберации, с одной стороны, а с другой, — в более детальной проработке ее основных характеристик, стандартов и условий делиберативного процесса [17. P. 500].

Несмотря на продолжительный — более чем четвертьвековой период — теоретических и эмпирических исследований делиберативной политики и на обширный перечень работ, посвященных теме делиберативной демократии, в научной литературе продолжается полемика и сохраняется расхождение мнений в оценке масштабов, перспектив и значения делиберативной демократии, а также ее институциональных характеристик и связи с уже существующими моделями демократии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Муфф Ш.* Витгенштейн, политическая теория и демократия // ЛОГОС. — 2003. — № 4—5 (39).
- [2] *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер. с англ. — Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- [3] *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. — М.: Издательство «Весь мир», 2012.
- [4] *Bächtiger A.* (et al.) Disentangling Diversity in Deliberative Democracy: Competing Theories, Their Blind Spots and Complementarities // *The Journal of Political Philosophy*. — 2010. — Vol. 18. — № 1.
- [5] *Cohen J.* Procedure and Substance in Deliberative Democracy. In S. Benhabib (ed.), *Democracy and Difference*. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
- [6] *Dryzek J.* *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. — Oxford: Oxford University Press, 2000.
- [7] *Gutmann A., Thompson D.* *Democracy and Disagreement: Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done about It*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- [8] *Habermas J.* *The Theory of Communication Action*. Vol. 2: *System and Lifeworld: A Critique of Functionalist Reason* / T. McCarthy (trans.). — Boston: Beacon Press, 1984.
- [9] *Habermas J.* *The Structural Transformation of the Public Sphere* / T. Burger and F. Lawrence (trans.). — Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
- [10] *Habermas J.* *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy (Faktizität und Geltung)* / W. Rehg (trans.). — Cambridge, MA: MIT Press, 1996.

- [11] *Mansbridge J., Bohman J., Chambers S., Estlund D., Føllesdal A., Fung A., Lafont C., Manin B., Marti J.* The Place of Self-Interest and the Role of Power in Deliberative Democracy // *The Journal of Political Philosophy*. — 2010. — Vol. 18. — № 1.
- [12] *Mouffe Ch.* Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism // *Reihe Politikwissenschaft / Political Science Series 72*. — Institut für Höhere Studien (IHS), Wien. — December 2000.
- [13] *Offe C.* Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized? // *Czech Sociological Review*. — 2011. — Vol. 47. — № 3.
- [14] *Rawls J.* *Political Liberalism*. — New York: Columbia University Press, 1993.
- [15] *Rawls J.* The Idea of Public Reason Revisited // *The University of Chicago Law Review*. — Vol. 64. — No. 3. — Summer, 1997. URL: <http://www.jstor.org/stable/1600311>
- [16] *Steenbergen M.R., Bächtiger A., Spörndli M., Steiner J.* Measuring Political Deliberation. A Discourse Quality Index // *Comparative European Politics*. — 2003. — Vol. 1.
- [17] *Thompson D.* Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science // *Annual Review of Political Science*. — 2008. — Vol. 11.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF DELIBERATIVE DEMOCRACY

E.V. Zolotareva

The Department of Science and Innovations
Ordjonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419

The article is dedicated to the analysis of theoretical foundations of deliberative model of democracy that is formed on the basis of synthesis of traditionally opposing approaches to research of democracy — liberal political philosophy (J. Rawls) and critical social theory (J. Habermas). Special attention is paid to the problems of testing of normative requirements to the public discourse as the basis of deliberative process.

Key words: agonistic pluralism, basis justice, deliberative democracy, communicative rationality, normative order, public discourse.